

Алая вишня сплошь усыпала древо, лепестки падали дождём. Под извилистым старым деревом сидела фигура в лазурном одеянии, играя на цитре. Лицо её было скрыто белой вуалью, а мелодия цитры звучала неспешно, пронизанная невыразимой грустью и тоской, но в то же время таившая в себе глубочайшую радость и удовлетворение.

Нежно-розовые лепестки сакуры падали ей на плечи, а затем их сдувал лёгкий ветерок. В какой-то момент она вдруг подняла голову, её взгляд был спокоен, но в нём сквозила незнакомая ей самой нежность.

Той, кто сидел под деревом и играл на цитре, была она сама, но почему-то что-то казалось не совсем таким, как прежде. Дерево, усыпанное вишнями, тихий двор — всё вокруг было так знакомо, это был Дворец Цзысяо, где она выросла!

Неужели эта девушка... бывала в Дворце Цзысяо?

Мысли Цин Шуан смешались, она на мгновение забыла, зачем сюда пришла.

Но её рука, касающаяся золотого светового круга, слегка дрожала, вызывая рябь на поверхности этого сновидческого воспоминания.

Когда самые важные воспоминания были затронуты, Лян Цзинь резко проснулась. Открыв глаза, она увидела Цин Шуан, стоящую за пределами светового круга, её взгляд был полон замешательства и растерянности. Сердце Лян Цзинь сжалось — похоже, Шуань уже что-то обнаружила!

Лян Цзинь чувствовала сложную гамму эмоций. Она надеялась, что Шуань вспомнит чувства из прошлой жизни, но в то же время не хотела, чтобы та вспоминала. Она предпочла бы, чтобы Шуань забыла всё, чтобы они могли начать заново, даже если это принесёт боль и страдания.

Когда они впервые встретились в руинах бессмертного, Лян Цзинь знала, что Шуань её не помнит. Хотя это и причиняло боль, в её сердце также была толика облегчения, ведь её Шуань, по крайней мере, до этого момента, не знала ни печали, ни боли.

Она не была глупа и понимала, что в этом мире нет ничего, что не требовало бы платы. Истинная сущность её Шуань — это цветок высшего духа с небес, и её перерождение произошло благодаря Лян Цзинь. Если Шуань вспомнит её, то, скорее всего, вспомнит и все печали прошлой жизни. Это был узел, который невозможно развязать, и неважно, насколько она старалась избегать этих мыслей.

Шуань в прошлой жизни пережила слишком много страданий, и Лян Цзинь понимала это. Именно поэтому она не хотела, чтобы Шуань вспоминала прошлые горести. Она предпочла бы, чтобы Шуань сохранила свою врождённую живость и гордость. Она была холодной и гордой по своей природе и не должна была никому позволять погружать своё сердце в прах.

Хотя Лян Цзинь казалась свободной и беззаботной, и хотя всё начиналось заново, если Шуань вспомнит прошлое, она знала, что стоит ей протянуть руку, и Шуань без колебаний простит все её ошибки и двести лет холодности.

Но она не могла так легко простить себя и не могла спокойно принять прощение Шуань.

Пока Лян Цзинь пребывала в задумчивости, Цин Шуан резко отдернула руку. На её прекрасном лице мелькнули изумление и замешательство, но вскоре они угасли. Она опустила взгляд, её глаза стали сдержанными, и она не стала смотреть на Лян Цзинь внутри светового

круга, лишь произнесла:

— Этот злобный демон потерял связь с культиватором из Врат Шигуй, его сила значительно ослабла. Если мы объединим усилия, сможем уничтожить его.

Она не стала расспрашивать Лян Цзинь о её личности и не спросила о том, что увидела в её воспоминаниях. Все свои сомнения она скрыла в сердце, решив, что, как только всё закончится, она вернётся в Дворец Цзысяо и больше никогда не ступит на земли Линьфэна.

Не дожидаясь ответа Лян Цзинь, она первой развернулась и, используя своё духовное сознание как меч, устремилась к чёрному туману вдалеке. Меч пронзил туман, и тот, словно снег под солнцем, быстро рассеялся.

Лян Цзинь не знала, что именно Цин Шуан увидела в её сознании, но, глядя на её действия, она не могла не вздохнуть. Этот путь был долгим и бесконечным...

Она подавила свои чувства и, поднявшись, усилила золотое свечение. Это место было её сознанием, и злобный демон, будучи чуждым вторжением, не имел преимущества. С помощью Цин Шуан, даже если её духовное сознание было немного слабее обычного, она смогла подавить силу демона.

Вскоре рассеянный чёрный туман под воздействием двух разных мечей начал распадаться. Демон, осознав опасность, собрался воедино, готовясь к мощной атаке, чтобы переломить ситуацию.

Однако, прежде чем он смог контратаковать, Цин Шуан нанесла сокрушительный удар, разрубив демона пополам. С криком боли и отчаяния демон полностью рассеялся.

Цин Шуан, уничтожив злобного демона, опустила меч и, взглянув на Лян Цзинь, молча развернулась и покинула её сознание.

За пределами сознания Цин Шуан, сидящая с закрытыми глазами, вдруг открыла их. Она посмотрела на Лян Цзинь, которая ещё не очнулась.

Цин Шуан молчала некоторое время, вспоминая действия Лян Цзинь и образы, увиденные в её памяти. Её сердце долго не могло успокоиться.

— Неужели она и есть та, о ком говорила владычица?

Её лицо выражало тоску, а в глазах читалась борьба. Она тихо вздохнула и достала из хранилища пилюлю Цзысяо, которую дала Лян Цзинь.

Пилюля Цзысяо была тайным лекарством Дворца Цзысяо, лучшим средством для лечения. На Центральном континенте её было не достать даже за тысячу золотых. Хотя она не могла воскресить мёртвых, для ранений Лян Цзинь она была более чем достаточной.

Лян Цзинь пострадала из-за неё, и Цин Шуан не хотела оставаться в долгу, поэтому сразу же использовала лучшее из того, что у неё было.

Как только пилюля попала в тело, она превратилась в тёплую энергию, которая быстро распространилась по всем каналам Лян Цзинь, восстанавливая её повреждённые внутренние органы. Всего через несколько мгновений цвет лица Лян Цзинь вернулся, и она выглядела уже не так бледно.

Даже многочисленные раны на её теле под воздействием пилюли начали заживать с невероятной скоростью! Её сознание постепенно возвращалось, и, когда она открыла глаза, её раны уже зажили на семьдесят процентов. Пилюля Цзысяо действительно была лучшим лекарством Центрального континента!

Она села, её раны больше не болели, и даже внутренние повреждения затянулись. Она огляделась, и её взгляд упал на далёкую каменную стелу, которая, казалось, пронзала небо.

Она отвела взгляд и посмотрела на Цин Шуан, которая сидела рядом с закрытыми глазами, погружённая в медитацию. Почувствовав взгляд Лян Цзинь, она медленно открыла глаза:

— После того как ты потеряла сознание, нас перенесло сюда жетоном, найденным в руинах. Он был испачкан твоей кровью. Знаешь ли ты что-нибудь об этом?

Её голос был ровным, без эмоций, даже первоначальное изумление исчезло. Лян Цзинь почувствовала холодный ветер и всё больше убеждалась, что Цин Шуан обнаружила что-то важное в её сознании, но даже сама Лян Цзинь не знала, что именно она увидела.

Лян Цзинь нахмурилась. В прошлой жизни она не бывала в руинах бессмертного и не знала, что её кровь может активировать жетон. Всё это было настолько невероятно, что у неё не было никаких идей.

Цин Шуан, заметив её замешательство, взглядом метнулась, и, взмахнув рукавом, отправила жетон в сторону Лян Цзинь.

Лян Цзинь поймала его. Жетон был тёплым на ощупь, на нём были выгравированы сложные символы. Она осмотрела его со всех сторон, но ничего не обнаружила, хотя чувствовала, что жетон был неполным.

Она вернула жетон и поделилась своими мыслями с Цин Шуан, которая после короткого размышления сказала:

— Если этот предмет перенёс нас сюда, используя твою кровь, это не может быть случайностью.

Лян Цзинь кивнула и указала на каменную стелу:

— Это самое заметное место в этом мире. Возможно, нам стоит начать с него.

Их мысли совпали, и Цин Шуан первой встала, не говоря ни слова, и быстро двинулась вперёд.

Лян Цзинь смотрела на удаляющуюся фигуру Цин Шуан, чувствуя сложные и тяжёлые эмоции. Она думала, что эта встреча в руинах бессмертного немного сблизит их, но, похоже, всё пошло не так.

Она вздохнула и прошептала:

— Нельзя торопиться... Шуань, после нашей разлуки, вспомнишь ли ты меня?

Сказав это, она шагнула вперёд, стараясь не отставать от Цин Шуан, а её слова растворились в ветре.

Хотя каменная стела казалась далёкой, они добрались до неё менее чем за полчаса.

На расстоянии около ста шагов от стелы Цин Шуан вдруг остановилась, и Лян Цзинь последовала её примеру, повернувшись к ней:

— Что-то заметили?

Цин Шуан, не обращая внимания на обращение Лян Цзинь, сказала:

— У стелы кто-то есть.

<http://bllate.org/book/16682/1531176>